

Рав Ицхак Зильбер

Подготовка к Песах в советском лагере

Глава из книги Рава Ицхака Зильбера об удивительном проведении Пасального седера в Сталинском лагере

Прошел Пурим. До Песаха оставалось немного времени, готовиться надо было заблаговременно.

Как-то меня спросили:

— Вы, наверно, готовились к Песах с особым чувством? Ждали перемен? Ведь Сталин умер!

Перемен ждал? Я всегда ждал освобождения. Машиаха я ждал. Каждый день. А про Сталина после его смерти не говорил и не думал.

Я говорил евреям в лагере:

— Не могу обещать, что это сократит нам срок, но мы — евреи, и должны стараться не есть хлеб в Песах.

Они в принципе были согласны, но не представляли себе, как это можно сделать:

— Нам и пайки не хватает, а если и ее не есть, что будет?

Я сказал, что попрошу жену, она достанет муку, выпечет мацу, а мы попробуем добыть картошки.

Жене удалось достать восемь пакетов муки, двадцать четыре килограмма. Это, как я уже говорил, было непросто. Но главная опасность заключалась в том, что тогда пересажали многих из тех евреев, что пекли мацу. Они получили по восемь-десять лет. Жене потому и пришлось добывать так много, что она хотела обеспечить мацой не только свою семью, меня и других заключенных в лагере, но и еще несколько еврейских семей: перед праздником к ней пришли несколько человек и сказали, что год очень тяжелый и они боятся идти за мацой, так что если она не решится купить и для них, придется их семьям провести праздник без мацы.

Мою жену от большой неприятности спасло чудо. Когда она на санках везла домой мацу, выпеченную в одном тайном месте, ее задержал милиционер-татарин:

— Что везешь?

Гиту сопровождал наш хороший знакомый реб Ицхак Милнер. Но, увидев милиционера, Гита дала Милнеру знак как-нибудь скрыться: женщине одной легче будет отговориться. И он ушел, а Гита осталась одна.

Гита стала обстоятельно рассказывать милиционеру, что у нее двое детей, у одного из них день рождения, и она везет печенье.

— А почему так много, а? Идем в милицию!

Она упирается, тянет время...

Он посвистел в милицейский свисток и вызвал еще одного милиционера. Они посоветались (говорили по-татарски, Гита не поняла), и вдруг тот, что пришел, махнул ей рукой:

— Можешь идти!

Это было так невероятно, что жена потом говорила:

— Это, наверно, был Элиягу-га-нави в виде татарского милиционера.

Об Элиягу-га-нави — пророке Элиягу — Талмуд говорит, что несколько раз после своей смерти он появлялся на земле и выручал людей из беды в ситуациях, когда выпутаться уже не было никакой возможности.

Гита не могла иначе объяснить себе это невозможное происшествие. Я тоже знаю один случай, при объяснении которого без Элиягу-га-нави никак не обойтись, настолько случившееся было невозможно.

Дома жена разломала мацу на куски, положила в мешочки, написала — «печенье к чаю», и их удалось передать в лагерь. («Шулхан арух» — свод еврейских законов, о котором я уже упоминал в самом начале книги, — разрешает при отсутствии трех целых листов мацы произносить положенное благословение «аль ахилат маца» на кусочки, даже на пыль от мацы и на мацовую муку.)

Итак, маца есть. Есть даже «марор» (горькая зелень) — жена принесла, помнится, хрен. Но как быть с

вином? Его вообще нельзя приносить в лагерь. Хорошо, что я знал: «Шулхан арух» указывает — если сварить изюм и отцедить отвар, то на него можно произносить благословение как на вино, «боре при га-гафен» («сотворивший плод виноградной лозы»). Жена передала мне такой «компот» под видом банки с вареньем, я отцедил жидкость накануне Песах, и этого «вина» хватило на «арба косот» — требуемые законом четыре бокала вина в Седер Песах на всех участников Седера (естественно, не превышая требуемого законом минимума).

А где и в чем я буду варить картошку на Песах, как обещал? Я-то просто никогда не ел в столовой и довольствовался хлебом и чаем, так что мне не привыкать, но как быть с другими? У какого-то зека я нашел большой чугунок, взял льдинки и песок и стал его отчищать, чтобы потом кашеровать. Мучаюсь, мучаюсь с ним... Подходит ко мне Мишка Косов, «пахан» (главарь) у блатных, здоровый такой, красивый мужик лет тридцати пяти. И говорит мне на чистом идиш:

— Я еврей. Слышал, вы собираетесь не есть хамец? Так я тоже с вами.

Протягивает сотенную бумажку:

— Пусть ваша жена достанет мне кашерную курицу.

Евреи, стоявшие рядом, чуть в обморок не упали, да и я порядком оторопел. Мишка Косов — еврей? А Мишка мне объясняет:

— Что меня воры русским считают — так мне даже удобнее.

Теперь еще вопрос: где хранить мацу? В моем бараке сорок три человека, по одной маленькой тумбочке на четырех человек и полно воров.

Евреи меня спрашивали:

— Что же, в тумбочке будет лежать хлеб, а мы будем тут же держать мацу?

Я ответил:

— В Торе сказано: «ло ераэ леха хамец» — «чтобы в твоём владении не видно было хлеба». А тумбочка — не твоё владение, и что в ней — тебя не касается.

Но все равно неприятно.

Кроме того, как известно, стоило в лагере кому-то получить передачу, как к нему тут же подходили «представители» от воров и им обязательно нужно было отдать треть, иначе ночью избыют и отнимут все. Как же быть?

Косов «проявил инициативу». Он состоял в лагерном драмкружке, имел доступ в КВЧ и углядел там новенькую тумбочку. Он взломал дверь, украл тумбочку и принес ее мне в канун Песах:

— Вот тумбочка с замком. Чистая. Будет специально для Песах.

Потом подошел к «уркам»:

— Сегодня и еще восемь дней если кто подойдет к Зильберу, попросит «поделиться» — останется без головы. В тот же день.

Они знали, что он слов на ветер не бросает, и не подходили.

Он и сам мучился, не ел хамец. Он рассказал мне, что уже успел посидеть в Сибири и там тоже был один еврей, который не хотел работать в субботу. По его словам, когда этот еврей умер, Мишка не захотел, чтобы его похоронили рядом с неевреями. Он пошел к начальнику, сказал, что это его родственник, добился разрешения похоронить его отдельно и похоронил. Тоже какая-то мицва!

А как проводить Седер в лагере, не подскажите? Где все будут сидеть? Я решил рискнуть, за несколько дней до Песах подошел к еврею, который работал в санчасти лагеря, и произнес такую речь:

— Ты раздаешь лекарства заключенным с восьми до девяти (вечера, я имею в виду). Но можно ведь раздавать с шести до семи. Делай так два дня (два — потому что в диаспоре, в странах рассеяния значит, праздничными являются два первых дня, а не один).

Этот заключенный из Белостока был из тех, что бросают своих еврейских жен и женятся на нееврейках. Но вот любопытно — войдя в санчасть, я услышал, как он, делая что-то, напевает: «Их хоб цу дир кин тайнес нит. Гот ун зайн мишпет из герехт» («У меня нет никаких обид на Тебя. Б-г и его суд справедливы». — Идиш.). Помнил, значит, все-таки, что он еврей...

Он меня послушал, на два вечера освободил санчасть, сидел с нами и ел мацу.

Хазон Иш

Вера и упование

Глава 2

Часть 1

Старая ошибка укоренилась во многих сердцах в вопросе о том, что такое упование на Всевышнего. Понятие это, означающее душевное качество, столь важное и столь восхваляемое среди праведников, в устах других людей превратилось просто в обязанность верить, что все будет хорошо... Всякий раз, когда какая-то ситуация ставит человека перед неизвестным будущим, и перед ним две дороги, одна из которых – хорошая, а другая – нет, он якобы должен верить, что непременно будет хорошо, а если он опасается, что будет иначе, – значит, ему недостает упомянутого качества упования... Но это неверно! Всегда, когда нет у нас пророчества на будущее, оно остается для нас неопределенным, ибо кто знает суды Всевышнего и кому ведомо, как воздаст Он за наши дела? Если это так, то что есть упование, и во что же следует верить? В то, что ничто в мире не происходит случайно, и все, что делается под солнцем, – объявлено о том заранее из уст Всевышнего, будь Он благословен! И в том, как воздействует эта вера на ход жизни человека и пути его, мы находим общие закономерности с воздействием на его жизнь других качеств, таких, например, как скромность, милосердие и т. п., которые нельзя сравнивать с вещами, облеченными в материальную оболочку. Само существование предметов материального мира связано с установленными для них размерами, весом и т. п., и нарушение их равносильно порче и разбиению; разбитый сосуд – это уже не сосуд, а черепок. Однако свойства человеческой души могут существовать и проявлять себя на многих ступенях, и у каждого порядочного человека есть в той или иной мере скромность и милосердие, но нет людей, одинаковых в этом, и в каждом деле один превосходит другого. Все сказанное относится также и к качеству веры; есть много ступеней, и люди со слабой верой все-таки тоже

относятся к категории тех, кто верит, а не к “безбожникам” и вероотступникам. И тем не менее, у человека со слабой верой она не властвует над ним безраздельно, а только помогает ему воздержаться от наиболее явных грехов, которых остерегаются все; у людей же с более крепкой верой воздействие ее на жизнь более заметно. Также и в сообществе праведников, проявляющих свою веру в жизни, есть тем не менее у каждого своя личная ступень.

И когда человек сталкивается с ситуацией, которая обычно воспринимается людьми как опасная, то для него естественно испытывать страх перед этой природной опасностью, и душевная тревога не позволяет ему вспомнить, что не случай – господин над нами, и никто не может помешать Всевышнему спасти нас и воспрепятствовать Ему подготовить естественные причины, которые изменят ситуацию и устранят опасность! И в этот трудный час сдержанность и самообладание должны помочь человеку внедрить в себя, в свое сердце известную истину, что все, что происходит с ним – не злой произвол случая, но все – только от Всевышнего, будь Он благословен, будь то к добру или (как нам кажется) нет. И вера эта, укореняясь, изгоняет страх и дает крепость и силы верить в спасение, верить, что в переживаемой трудной ситуации склонность ко злу не больше и не сильнее, чем к добру! И подобная вера называется упованием на Всевышнего.

Упование это проявляет человек также и тогда, когда он видит, что ему, возможно, предстоят тяжкие испытания и мучения, и укрепляется в вере, что не случайно его постигает беда, ибо нет в мире случая, и все – только от Всевышнего, будь Он благословен. Пример тому мы видим в Талмуде. Злодей Турьянус хотел убить двух еврейских праведников, Лульяноса и Папоса, и сказал им: если вы – из того же народа, что и Ханания, Мишаэль и Азария (которых Всевышний спас из огненной печи во времена Навуходнецера), то

пусть ваш Б-г так же спасет вас от моей руки! Они ответили ему: мы достойны смерти за наши грехи (перед Всевышним), и если даже ты не убьешь нас, есть у Него много посланцев – львов, медведей и т. п., – которые исполнят приговор! (Таанит 18б).

Человек, уповающий на Всевышнего, проявляет это и в том, какого рода усилия он прилагает для своего спасения. Всем людям свойственно стараться что-то предпринять в тяжелой ситуации, но такой человек, вместо того, чтобы бегать за влиятельными людьми и изыскивать всякие другие средства, которые не принесут пользы, тщательно проверяет свои дела и

обращает свое сердце к раскаянию и возвращению ко Всевышнему, к молитве и благотворительности, чтобы отвратить от себя злое предопределение.

Публикуется с разрешения переводчика рава
Пинхаса Перлова. Книгу можно заказать по телефону
025861854

Рав Реувен Куклин

Еврейский ответ

Какая связь между праздниками Песах и Шавуот?

Уважаемый раввин, не могли бы Вы объяснить, есть ли связь между Песахом и праздником Шавуот?

С уважением, Роман, Москва

РаМБАН (Ваикра 23, 36) пишет, что дни счёта омера считаются одним длинным периодом холь а-моэд («праздничных будней»). И подобно тому, как после семи дней праздника Суккот следует восьмой день — йом тов (праздник Шмини Ацерет), так и после семи недель, следующих за праздником Песах, идёт йом тов — праздник Шавуот. Из этих слов Рамбана мы явно видим, что есть тесная связь между праздником Песах и праздником Шавуот. Если так, то нам необходимо понять, какая же связь может быть связь между этими такими различными праздниками. Более того, эти праздники, на первый взгляд, противоположны друг другу, ведь в праздник Песах мы обязаны отказаться от квасного (хамеца), а в праздник Шавуот мы обязаны принести хамец в жертву Всевышнему, как сказано в книге Ваикра (23, 17).

Ответ на этот вопрос заключается в том, что хамец символизирует йецер а-ра (дурное начало) в человеке, как об этом говорится в книге Зоар (Ва-йехи 226 б). Йецер а-ра - это те влечения человека, у которых есть материальная основа. Сама материя не является злом.

Задача человека — направить материю в правильное русло, подчинить духовному и, тем самым, освятить материю. Поэтому, когда человек только начинает служить Всевышнему, ему стоит отдалиться, насколько это возможно, от всех материальных желаний. Однако, приобретая Тору, человек приобретает возможность направить все материальные желания в правильное русло и освятить материю. Это то, чему нас учит Тора: в начале праздника Песах она приказывает нам отказаться от всего квасного (йецер а-ра), но, в конце концов, в процессе самосовершенствования в Торе (в священных книгах сказано, что сорок девять дней между Песахом и Шавуотом соответствуют 49 киньянэй Тора, упоминающимся в Пиркей Авот) мы приносим хамец в жертву, т.е. «приподнимаем», освящаем материю.

*Желающие посетить занятия по
еврейской традиции в городе Беер-Шева
приглашаются позвонить по телефону
052-71-55-961.*

*в Офакиме и Ашдодде: 0548413212,
в Нетивоте: 0548442995*